

Чан Сяоцю эту мачеху невзлюбил. В ту пору ему было всего двенадцать-тринадцать лет, и, пользуясь малолетством, он часто дерзил ей, так что отношения между ними всегда оставались натянутыми. Что до Чан Сяоханя, то он был вторым лицом в бюро после Чан Ваньли, мастером высочайшего класса, и все эти годы втихомолку опекал молодого господина.

Гао Линь спросил:

— Так значит, эта новая жена приказала вам во время поездки найти возможность избавиться от Чан Сяоханя и Чан Сяоцю?

— Так точно, — ответил эскортник. — Сперва она дала каждому из нас по жемчужине, пообещав после выполнения дела вручить целую шкатулку. — И, говоря это, он извлёк из рукава жемчужину. — Вот она.

Не золото, не серебро, а жемчуг. Лян Шу скользнул по драгоценностям взглядом:

— Какого она рода-племени?

— Никакого. Беженка с юга, спасавшаяся от голода. Когда только в город явилась — грязная, вонючая. Уму непостижимо, чем она главного инструктора привлекла.

Гао Линь присел перед эскортником на корточки, взял жемчужину и принялся медленно разглядывать её при свете пламени:

— Бюро обычно рассчитывается за услуги золотом и серебром. Даже если бы новая жена вздумала повернуть махинации с отчётностью, чтобы припрятать деньжонок, в её руках должны были оказаться именно золото с серебром. Жемчужины же с Восточного моря такого размера — штука редкая, десять штук собрать — уже проблема, не то что целую шкатулку. Коли уж она с таким трудом их копила, зачем было менять на человеческие жизни... Или вы серебро не берёте?

— Берём, конечно берём! Мы как раз хотели бы обменять их на серебро, даже с дисконтом в десять-двадцать процентов. Потому что жемчуг, хоть и дорог, сбыть его нелегко. Но жена сказала, что кроме этого у неё ничего нет.

А-Нин, слушая это, только языком цокал и тихонько сказал Лю Сюаньаню:

— Господин, помните, в прошлый раз старая госпожа хотела пару жемчужин для серёг — хозяин так и не смог подходящих раздобыть. А у них — целая шкатулка! Видно, в бюро проводок действительно широкие.

— К бюро это отношения не имеет, — Лю Сюаньань, всё ещё закутанный в одеяло, лениво зевнул. — Эти жемчужины, должно быть, были у неё ещё до замужества.

— С чего бы? — А-Нин придвинулся поближе и понизил голос ещё сильнее. — Господин, вы же спали и не слышали, о чём князь спрашивал. У Хэ Жао никакого рода-племени нет, она беженка, спасающаяся от голода.

— Оставим в стороне вопрос, настоящая ли она беженка. Допустим, да. Но ведь она могла припрятать ценности ещё до бегства. После замужества, даже если дела бюро «Ваньли» и шли в гору, накопить за три года целую шкатулку жемчуга — задача не из лёгких. Во-первых, деньги не так-то просто изъять незаметно, во-вторых, вряд ли это прошло бы совсем уж без ведома окружающих. Если бы она хотела полностью отмежеваться от заказного убийства, ни за

что не оставила бы такой улики, как жемчуг. Наоборот, это даже помогло бы снять с неё подозрения — ведь только полный дурак стал бы платить за убийство не серебром, а жемчугом стоимостью в целое состояние, да ещё и таким, что его легко отследить.

А-Нин проникся и спросил:

— Нам нужно подсказать заместителю Гао?

— Не нужно. То, что поняли мы, князь Сяо и заместитель Гао уж точно поймут. Если хочешь помочь — отнеси-ка лучше кровоостанавливающих и обезболивающих снадобий, а то этот эскортник и десятка слов не продержится.

Невольный разговор хозяина и слуги под деревом был донесён ветром до ушей Лян Шу без единой потери. Спустя некоторое время А-Нин и впрямь принёс снадобья, подбежав мелкой рысцой. Гао Линь слегка кивнул:

— Благодарю.

Увидев, что эскортник весь изранен, А-Нин понял, что на полную обработку времени нет, а потому лишь перевязал две самые серьёзные раны и влил в глотку несколько обезболивающих пилюль. Все манипуляции он проделал быстро и уверенно, и даже когда кровь брызнула ему на лицо, выражение его не дрогнуло. Заместитель командующего Гао был впечатлён и проникся к поместью Белого Журавля ещё большим почтением.

Внимание же Лян Шу было приковано совсем к другому.

Гао Линь размышлял: если бы его князь пялился на саму госпожу Лю, то впоследствии, когда император станет допытываться, это ещё можно было бы списать на непреодолимое любовное влечение. Но сейчас-то объектом его пристального внимания был второй сын семьи Лю, и это смахивало скорее на прелюдию к стычке. Соглядатаи из дворца стоят всего в пяти шагах, нельзя ли сосредоточиться на деле, а не выделывать фокусы?

Но у князя Сяо, судя по всему, не было ни малейшего желания играть по правилам. Мало того — он весьма бесцеремонно и холодно бросил: «Выясните всё, что нужно», — после чего направился к Лю Сюаньюаню и, взмахнув полой одеяния, уселся неподалёку.

Гао Линь: «...»

А-Нин снова забеспокоился:

— Заместитель Гао!

Гао Линю пришлось вновь его успокаивать:

— Всё в порядке. Должно быть, князь хочет расспросить о некоторых медицинских тонкостях, связанных с ядами.

Если вдуматься, за всё это время хозяин и слуга из поместья Белого Журавля только и делали, что помогали, князь — только пакостил, а он сам — только врал. Сердце заместителя командующего Гао сжалось от боли: отчего же между людьми может быть такая пропасть в нравственности?

Костёр весело потрескивал.

Лю Сюаньань по-прежнему отдыхал с закрытыми глазами.

Лян Шу швырнул в огонь камень.

Бум! Пламя взметнулось ввысь более чем на фут и, подхваченное ветром, рванулось к дереву. Лю Сюаньань вздрогнул, и жар, опаливший лицо, заставил его наконец раскрыть глаза. В прошлый раз, в повозке, он увидел Лян Шу в самом конце дивного, бурного сновидения; на сей раз же князь Сяо вплеся в хаотичный танец пламени. Оба раза явь причудливо сплеталась с иллюзией, оба раза он испытывал лёгкое смятение, на миг теряя ощущение, где находится.

Он слегка успокоил сердцебиение и бросил взгляд в сторону: Гао Линь всё ещё вёл допрос, дело явно было не закончено.

— Выскажись, — Лян Шу вертел в пальцах жемчужину. — Почему новая жена непременно выбрала это в качестве платы?

Лю Сюаньань не ожидал, что князь обратится к нему с этим вопросом. С трудом вернув мысли к реальности, он ответил:

— Возможно, за три года она не сумела накопить достаточно личных сбережений, чтобы подкупить эскортников. А возможно, она и не собиралась по-настоящему расставаться с жемчугом. Я не знаком с бюро «Ваньли», но, по логике вещей, если только Чан Сяоцю не угрожал положению Хэ Жао, ей не было нужды торопиться с действиями, пока деньги не собраны.

— Так ты склоняешься ко второму варианту: она не собиралась отдавать жемчуг, а лишь использовала его как приманку, чтобы эскортники служили ей верой и правдой?

— При условии, что разбойники с горы Укрощённого Тигра уже были с ней в сговоре. — Лю Сюаньань предположил. — Полагаю, идеальным исходом для Хэ Жао было бы полное уничтожение этого эскорта силами бандитов. Так она могла бы и жемчуг вернуть, и глазам своим врагов не мозолить, и тайну навеки сохранить. А подкупала же она эскортников лишь для того, чтобы по пути отравить Чан Сяоханя, дабы единственный по-настоящему способный защитить Чан Сяоцю воин заранее выбыл из строя, — тогда план был бы выполнен безупречно.

Но как ни рассчитывай, события пошли не по её сценарию. Чан Сяохань оказался крепким здоровьем: даже отравленный ядовитым дымом на протяжении всего пути, он не утратил слишком много сил и, напротив, вырвался из окружения вместе с Чан Сяоцю, ценой невероятных усилий сохранив тому жизнь.

Лян Шу пришёл к схожим выводам.

Стало быть, Лю Сюаньань отнюдь не был законченным бездельником и пустышкой — мозгов у него хватало. Но если так, отчего же в мире его нарекали красивой, но бесполезной обузой?

Если бы Лян Шу стал строить догадки, исходя из своего более чем двадцатилетнего опыта выживания по закону джунглей, то объяснил бы это намеренной демонстрацией слабости, симуляцией беспомощности и тупости — дабы обеспечить себе безопасное существование в большой семье.

Однако в поместье Белого Журавля царили строгие нравы, каждый был занят своим делом, и внутренних распрей там практически не было. Спроси второго сына семьи Лю, знает ли он о своей репутации в миру? Смутно слышал. Но он уже наполовину отрешился от мирской суеты,

путешествуя между Небом и Землёй, странствуя по всему Свету, оседлав попутный ветер и вкушая безграничное блаженство, всей душой устремляясь к абсолютной духовной свободе в лоне Небесного Дао — так чтобы же ему было до каких-то ничтожных мирских пересудов?

Так что его безразличие было подлинным.

Впрочем, Лян Шу такого состояния духа не постигал — по крайней мере, пока.

Он смотрел на Лю Сюаньяня, а спустя некоторое время неожиданно спросил:

— А сестра господина Лю... упоминала ли она прежде обо мне?

Услышав это, Лю Сюаньянь невольно выпрямил спину. Он не забыл о своей задаче — ненавязчиво расстроить эту свадьбу.

Упоминала, конечно упоминала — да ещё и со слезами на глазах. Лю Сюаньянь не ведал, что князь Сяо уже подслушал в чайной весь план с прыжком в озеро, а потому принялся врать без тени смущения:

— Нет. А-Юань от природы застенчива и неразговорчива, родители мои часто из-за её молчаливости голову ломают. Кстати, а какой нрав в девушках вашей милости по душе?

Лян Шу ответил:

— Нрав не важен. Лицом бы красива была.

<http://bllate.org/book/16268/1464057>